

РАСТИ И СЛАВЬСЯ, НАШ РОДНОЙ МОГУЧИЙ ЛЕНИНГРАД!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 75 (3731)

Суббота, 22 июня 1957 г.

Цена 40 коп.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Ленинграда орденом Ленина

За выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, проявленные ими в дни Великой Октябрьской социалистической революции и в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне, за успехи, достигнутые в развитии промышленности и культуры, в развитии и освоении новой техники, в связи с 250-летием города Ленинграда, наградить Ленинград орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль
21 июня 1957 г.

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!»

В этот час на «Авроре», —
Как ночной пулемет,
В тесной рубке
к ключу аппарата
От бессонницы бледный,
усталый матрос:
Пусть скорее узнает
родная страна,
Что уже революция
совершена!
«Всеми! Всеми!» —
торопил он удары
ключа,
Про себя повторяя
слова Ильича:
«Всеми! Всеми! Всеми!» —
и в осенней редюющей
мгле
Полетели слова
по российской земле.
Прокатились, как залпы,
из края в край!
Их на Дальнем Востоке
услышал Китай.

Бронислав РЕЖУН

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Есть в Ленинграде площадь у Невы.
Мы, няя дав ей громкое право:
Отсюда — за деревьями видна
Жесточкой Петропавловки стена.
Знал Чернышевский, Горький молодой,
Как тяжки стены кладки крепостной!
Стою, бессмертной явью открыл,
Гляжу на особняк, на тот балкон,
С которого звучала горячая,
Восставшим людям правда Ильича.
Был с нею тверд у нас солдатский шаг
Здесь и в блокадный непроглядный мрак...
Как праздник жизни, площадь у Невы
Зовет к себе.
Влюбленные правы,
Счет не ведя минутам и часам,
Не торопясь отсюда по домам,
Когда сирень и жимолость в цвету,
И ночь светла, —
Похожа на мечту.

Александр РЕШЕТОВ

Товарищ Ленин, вашими, думаем, дышим, боремся и живем! и именем Вл. МАЯКОВСКИИ
Рисунок художника Н. Жукова

ОБРАЗ ГОРОДА

С. МАРШАК
Можно без преувеличения сказать, что прекрасный город над Невой создали не только Петр Первый и его сподвижники, не только замечательные архитекторы и оставшиеся безымянными строители-рабочие, но и Пушкин, Гоголь, Достоевский, Некрасов, Александр Блок. Вряд ли светилась бы так ярко Адмиралтейская игла, если бы ее не озарил блеском своих стихов Пушкин. А какое величие и какую энергию придали пушкинские строфы вдохновенному, полному движению памятнику на Сенатской площади!
Набережные и улицы, по которым ночью сканал Мелный Всадник и гнался за богатыми санями призрак бедного чиновника Вацлавина, Невский проспект, навсегда неразлучный с «Петербургскими повестями» Гоголя, стали в равной степени достоянием нашей истории и нашей поэзии.
И совсем другой город — иного времени — встает перед нами в стихах Некрасова:
Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.
Это — тот Питер, где толкутся перед тяжелой дубовой дверью парадного подъезда ходоки, пришедшие из деревни за правдой, где на Сенной площади бьют кнутом крестьянку молодую; это — город промышленных хищников, акционеров и биржевых маклеров, типографских наборщиков, извозчиков, рассыльных, город балетных феерий и военных парадов... Не тех блистательных и стройных парадов, которые пленяют нас в стихах Пушкина:
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
У Некрасова не сияют медные шапки, «кивера не блещут». Парад происходит у него при самой ненастной, промозглой питерской погоде:
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Да и Пушкин, создавая образ северной столицы, видел не только ее блеск и стройность.
Он писал:
Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Эта двойственность образа проходит через всю дореволюционную поэзию.
В памяти старших поколений еще живет Петербург — Петроград Александра Блока:
Вновь оснеженные колоны,
И голос женщины влюбленный,
Елагин мост и два огня,
И хруст песка и хрип коня...
А рядом с этим поэтическим Петербургом возникает суровый образ военного Петрограда четырнадцатого года, уже овеянный предчувствием надвигающейся бури.
Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

От этих стихов идет уже прямая тропа к завязанному переулком «Двенадцати», к тем настороженным, опустелым улицам, по которым шагает в поисках притаившегося врага патруль:
Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Со всей силой, на какую способен подлинный поэт революции, запечатлел в своих четких, резких, как пулеметная очередь, строчках живую хронику Петрограда семнадцатого года Владимир Маяковский:
И снова ветер, Литейный
залпы
валы свежий и крепкий, булы и кепки.
революции — Ленин с нами!
поднял в пене. Да здравствует Ленин!
В краткой и белгой статье невозможно, конечно, охватить все то, что внесла в наше представление о Питере — Ленинграде современная поэзия. Ленинград-строитель и Ленинград-воюну посвящали стихи все наши лучшие советские поэты, свидетели и участники его титанического мирного труда, его беспримерного боевого подвига.
Этот строгий и величавый город, дышащий морем, город труда, искусства, науки, навсегда останется славой нашей страны и неиссякающим источником вдохновения для поэтов.

Жолыбель революции

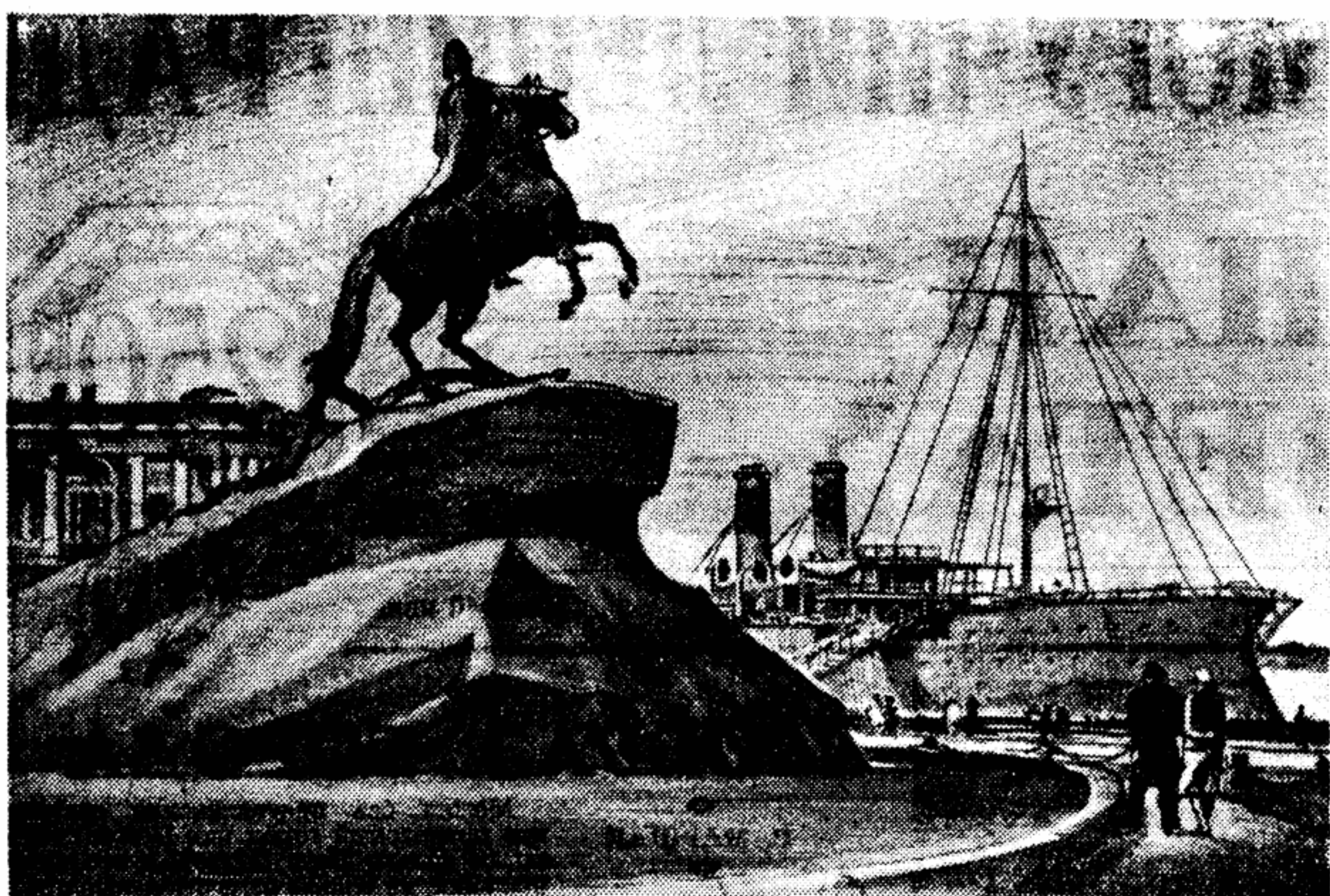
В. КОЧЕТОВ

Личное знакомство с Ленинградом началось для меня треть века назад, когда я впервые, с пионерским рюкзаком за плечами, вышел на его площадь перед вокзалом, среди которой в окружении трамвайных петель серой глыбой стило гранито-бронзовое «спугало» — памятник Александру III.
Великий город еще припахивал дымком пожара недавних лет; еще стояли скелеты мертвых домов, в развалинах Литовского замка делили награбленное бандиты, еще гремели в ночи пушечные выстрелы Леньки Пантелеева; на улицах и в переулках гигантской Предтеченской барокалои люди в пальто с плюшевыми воротниками по ленинскому ценам предлагали орден Анны, Владимира, Станислава; в каретных санях консулства неких иностранных держав обнаруживались винтовки, пулеметы, а то и полевые орудия трехднейного калибра, припасенные на еще далекий в мечтах случай какого-либо восстановления в час испровержения власти большевиков.
Но уже один за другим на штапелях судостроительных заводов закладывались морские корабли, уже на вероке «Красного путлиовца» выходили боевые тракторы «ФП» — «Федор-Петровичи»; уже жужжали тысячи веретей, стучали сотни ткацких станков на текстильных фабриках, уже плавали сталь на Ижорском и на Невском имени Ленина, уже бетонировали котлованы под фундаменты первой в городе новой школы за Навской заставой, прокладывали новую, Тракторную улицу, Ленинград строил машины, станки, приборы. Он строил и новые пушки, и гораздо большей силы, чем те, оставшиеся от царской армии, трехднейки.
Мы хорошо знали историю города, в котором начиналось наше вступление в жизнь, — история не лежала, не пряталась тут под пластами пустынных песков или под нагромождениями окаменевшей вулканической лавы. Старейшее строение Петербурга — домик Петра красовался на берегу Невы в полной сохранности и во всей своей первозданности. Будто сложенные вчера, отражались в неясных водах стены Петровского дворца в Летнем саду, дворца Шлишкова, Адмиралтейства, хмурые граниты Петропавловской крепости. По сотням разнообразнейших сооружений, почти не тронутых временем, мы могли судить о человечески тяжелом труде многих тысяч безымянных строителей, на богатых островах Невской дельты возводивших новую столицу Руси, Руси, которая только здесь и только в то время переставала быть средневековой, боярской, бородатой Русью, становилась великой Россией, Российской империей.
Мы могли собственными глазами увидеть апартаменты, в которых обитал тот или иной российский царь, место, где убивали того или иного из них; мы могли увидеть тюремные камеры и казематы, в

которых томались когда-то борцы против царизма; мы знали место хули Пушкина, знали, в каком доме была его последняя квартира, знали, где он написал «Сказку о царе Салтане»; мы даже могли потрогать рукой телефонный аппарат, с помощью которого императрица Александра Федоровна вмешивалась в руководство операциями на фронтах первой мировой войны, и постоять перед садовой решеткой, возле которой выстрелили из пушечной системы «Саведж» приказавшими полуотравленного старца Григория Распутина.
Историю Ленинград хранил в каждом своем камне. Она жила на любой его улице, на любом проспекте. Мы любили эту живую историю.
Но больше всего нас, мальчишек и девчонок, пионеров и комсомольцев, людей поколения, которое слишком было молодо в дни боев Октябрьской революции, волновало все, что было связано именно с ней, Революцией. Нам волновали булыжники, по которым Ильич с Надеждой Константиновной Крусской жаживали за Невской заставой; мы носили цветы к могилам жертв кровавого воскресенья; мы знали, где печатались первые экземпляры большевистской «Правды»; мы ставили под башмочное окошечко Кшесинской, с которого в апреле семнадцатого года говорил с народом Ленин; мы ходили к домам, в которых заседал VI съезд партии; мы знали в городе места бывших баррикад и почти каждый дом со следами октябрьских пуль, по следам этих пуль отсыскивали окна, из которых и по которым когда-то стреляли.
Кольбелью революции — до чего же это точно сказано! Один приезжий из-за рубежей, из далекой Латинской Америки, сказал, стоя недавно на Невском берегу:
«Было время, когда все дороги вели в Рим. Дороги нового мира начались в городе Ленина. Они ведут в прекрасное будущее человечества».
Мы могли часами слушать рассказы тех, кто первым шел по этим дорогам в Революции. И не Тарзану, не моим королям иностранных экранов, а им, солдатам Октября, жаждали подражать и подражали юные ленинградцы. Древко боевого знамени питерских революционных традиций в

совместной хватке держали старые и молодые руки.
Старые и молодые руки продавали огромную работу. К 1941 году Ленинград стал одним из прекраснейших городов мира. Он разрастался вширь, лучами новых чудесных проспектов стрелял через прибрежные равнины. Старые и молодые руки из одних ящиков брали винтовки и патроны, чтобы стать на защиту своего родного города в 1941-м.
Один уважаемый маститый писатель несколько месяцев назад сердито прикрикнул на тех, кто сказал в ту пору, что, как бы ни многочисленны были примеры нашего беспорядочного отступления в сорок первом, все-таки не эти примеры характеризуют время и обстановку трудной, тяжелой и героической годины. Маститый писатель в словах об этом усмотрел призыв к лакировке действительности и к приукрашиванию истории.
Но что же делать тем, кто видел, как на рубежах Советской Литвы и Советской Латвии, по-львиному, противостоя железным полчищам, ринувшимся из Восточной Пруссии, дрались и умирали наши пограничники? Что делать тем, кто видел сотни боев, которые на каждом сколько-нибудь подходящем рубеже давали наши армии врагу, отходя к Ленинграду? Что делать тем, кто видел, как сорок дней нещадно били ленинградцы гитлеровцев, застрявших на рубеже Луги — маленького городка Ленинградской области? Как же бы это так случилось при паническом бегстве, что тысячи голов колхозного и совхозного скота были из области отогнаны к Ленинграду? Стада свиней и коров шествовали по улицам города в июле и августе. Как же бы это так случилось при паническом бегстве, что в целости и полной невредимости стоят сегодня на своих старых местах в детско-сельских парках бесценные мраморные и бронзовые скульптуры и даже по-прежнему сидят на своей скамье молодой Пушкин в Лицейском садике? Кто же столь бережно и тщательно прятал их в землю перед вражеским вторжением?

Два с половиной века назад заступали топоры на безлюдном Веселом острове. Так был основан город.

Красуясь, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия. А. ПУШКИН

Вадим ШЕФНЕР

В ПОРТУ

Здесь, морю наступив на хвост павлиний, На нефтяные радуги волны, Стоят суда транскеанских линий — Стальные человечества челны. И вот готов к отплытию в путь далекий, Приняв свой груз в грохочущем порту, Корабль высокотрубный, крутобокий, С названием «Акмолинск» на борту. Акмолинск... Не морское это слово, К нему от нас дорога далека, Средь сухопутья он лежит степного В зеленой глубине материка. Здесь, где огромный город слился с морем, Где до небес клубится серый дым, Он о пелинном, о степном просторе Напоминает именем своим. И чудится, что море пахнет ныне Не только, как всегда, самим собой, Но горьковатым запахом полыни, Соляною дымкой голубой. Пусть на земле, неземной и плоской, За сотни верст лежит от моря он, — Но кораблем, своим железным тельцом, Он к морю, к Ленинграду приобщен.

По свидетельству И. А. Гончарова, эта сторона в XIX веке выглядела так: «Мир и тишина покоятся над Выборгской стороной, над ее немощеными улочками, деревянными тротуарами, над тощими садами, над заросшими крапивою канавами, где под забором какая-нибудь коза, с оборванной веревкой на шее, прилежно щиплет траву или дремлет тупо, да в полдень простучат щегольские, высокие клубки прошедшего по тротуару писаря, зашевелив кисейная занавеска в окошке и из-за ерани выльнет чиновница...» Дюю давнее, но и сейчас еще знакомый мне старожил Выборгской стороны, пожилой рабочий-пенсияр, улаживший с завода на заслуженный покой, усмехается в седые усы, перечитывая описание так хорошо знакомого ему места. Ему не надо далеко ходить, чтобы найти это место. Он видит его из своего окна, хотя смотрит на Больше-Охтенский проспект, напоминающий сейчас прямыми линиями Невский, — только дома на Охте новой, да асфальтированные дворовые площадки просторней, да зелени во дворах больше. Он вспоминает: «Здесь, и друг мурчит и занавешивает густыми бровями глаза. Это он отчеркнул для меня в романе Гончарова описание Выборгской стороны в прошлом. Но памятно ему это прошлое не только заросшими крапивою канавами...» Была в былые Российской империи столица — Петербург, и был рабочий Питер — за Невской заставой, за Нарвской заставой, за Невой на Выборгской стороне. Отчужденные, враждебные, они жили разной жизнью, однако ненавидя, опасаясь и презирая друг друга. Пестрая жизнь Петербурга, с ее нагой, бьющей в глаза роскошью, с ее ненастной жаждой власти, золота и наслаждений, с ее откровенной готовностью все купить и продать за взятку («Возьмите три тысячи, и никто об этом не узнает», — предложили одному петербургскому сановнику, на что последовал ответ: «Дайте пять и говорите, кому угодно»). Пустые речи депутатов в Таврическом дворце, где на дубовой кафедре надутый профессор Милонов, свирепе оцетивши усы, соперничая в витийстве с погромщиком Пуришкевичем. Грандиозные биржевые спекуляции на фондовой бирже, когда в один час переходили из рук в руки миллионы состояния с угольными шахтами, нефтяными промыслами, заводами и в тот же час внезапно менялись судьбы тысяч рабочих семей... Все это вызывало в рабочем Питере мрачную злобу. В свою очередь Петербург со страхом и позорительностью прислушивался к каждому шороху в рабочем Питере... Не раз сильные толчки, разлававшиеся на Выборгской стороне, сотрясали здание империи. Накануне первой мировой войны всю Россию всколыхнула стачка «десснеровцев». Тот же седиловый старик — мой собеседник — рассказывает, что рабочие завода «Новый Десснер» начали стачку потому, что оскорблена была честь их товарища Якова Строганова, которого мастер довел до самоубийства (Яков повесился на приводе ремне) несправедливым обвинением в краже бронзовых деталей. «Десснеровцы» вспомнили все обиды. А им было что вспомнить! Ведь на Выборгской стороне, где они трудились и жили с семьями, так быстро истощались силы человека, что смертность здесь была в четыре раза больше, чем в центральных районах города. В официальном отчете о высокой смертности на Выборгской стороне писалось с ужасанием: «Каждый большой город должен иметь пригороды двух порядков: дачные и, так сказать, прибежище для отбросов городского населения...» 102 дня бастовали «десснеровцы», терпя лишения, живя на средства, которые собирали для них из своего скудного заработка рабочие других заводов Выборгской стороны. Памятен моему знакомому один из дней этой героической борьбы за честь, достоинство рабочего человека. В этот день вечером по мощенной булыжником улочке, мимо Финляндского вокзала и трактира «Салоника», мимо двухэтажных каменных домов, заселенных чиновниками и лавочниками, прошла рабочая процессия, прошла, не неся ни знамен, ни плакатов, а переполоху надевал не меньше, чем открытый бунт. Околоточные надиратели, тяжело топчата сапогами, понесли в телефонный ап-

А. САДОВСКИЙ

паратам звонить начальству, не зная, как им поступить в не предусмотренном инструкциями случае, а чиновники и лавочники, раздетые по вечернему времени в зеленые и пунцовые кашемировые платья, изумленно открывали рты, следя за течением удивительной (для них!) процессии. Впереди шел литейщик Металлического завода — смуглый, бородастый, с ремешком на кудрявой голове, по прозвищу «Дядя». Он нес на плече хуленую большогоглазую девочку в застиранном синем платочке и заглубленным пальцами показывал «козу ротатую», развлекал ее, как умел. Следом, с пятилетним мальчиком в отцовском картузе до ушей, шел слесарь того же завода — рослый, молодой, но с седоватыми уже висками. Его на заводе называли по имени — Вася. Спустил пять лет все узнали, что он был организатором подпольной заводской ячейки большевиков. Шли модельщики, формовщики, токари, слесари, кузнецы заводов «Феникс», Эриксона, Рено, Парвайянена, Розенкранца, Металлического завода, шли текстильщицы фабрики Чешера, работницы ситарной фабрики, — и несли на руках или вези за руку детей «десснеровцев», взятых в семью на время забастовки. Многие по дороге домой сворачивали на набережную Невы, которая отделила здесь Петербург от рабочего Питера. И каждый, взглянув на другую сторону Невы, где догорал закат на окнах дворцов и особняков, мог бы спросить и, наверно, спрашивал мысленно, хмуро сдвигая брови: — Кто же отбросы-то? И что вы знаете о чести и достоинстве рабочего человека, которого всячески штыкается унизить? ..Решив пластами историю Выборгской стороны, оглядевшись на многолетний путь ее прославленных рабочих династий. Как много значат и как высоко ставятся здесь эти качества — честь, достоинство рабочего класса! Это видно и в большом, и в малом. Я вспоминаю сейчас рассказ моего сверстника, младшего представителя столетней династии Бугровых. На Металлическом заводе, где Георгий Александрович Бугров работает сейчас старшим мастером сборки, трудился его отец, его дед — бывший крепостной крестьянин плотник Иван Бугров. Внук никогда не видел дед и только по семейным рассказам знает, что он носил кудрявую бороду, ремешком повязав голову, когда работал, что на заводе он стал искусным модельщиком и что священник, отведавший леда в Охтенской церкви, закончив обряд и осыпав из щепоты землей уже восковое лицо покойника, почему-то сказал про него: «Дерзко был!» Вот и все про дед. Отец, токарь Александр Иванович Бугров, работал в подполье выборгским казенным кассы взаимопомощи, которая послужила в трудные времена и своим забастовщикам, и «десснеровцам», и с которой он частично отсиделся на оторуде, пока полиция обшаривала его квартиру на Тимфеевской улице. Двадцатилетнему сыну он давал смелые поручения. Видно, школа отца, физиком в памятный год повед сына к Финляндскому вокзалу на встречу рабочего Питера с Владимиром Ильичем Лениным, вся жизненная школа, приобретенная на Выборгской стороне, пошла впрок старшему мастеру. Я знаю его много лет. На моих глазах прошла почти вся его жизнь на заводе. Здесь дед и отец строили плавающие доки, портал для паромной передачи поездов через Байкал, подземные сооружения мостов, перекинутых через Неву, железные строения для световых перекрестки Сенного рынка, Андреевского рынка, Московского ГУМа; несущие конструкции, сработанные ими, поддерживают свои ленинградских дворцов, соборов, музеев, театров, консерватории. И они гордились тем, что сделали своими руками. Но как же гордились бы они, дед и отец, если бы узнали, что их Георгий пропустил через свой сборочный стенд все водяные турбины (вплоть до куйбышевских великанов), которые вырабатывают сейчас электрическую энергию на многих гидроэлектростанциях страны! Для этого ему иной раз приходилось по неделе проводить в цехе и день, и ночь, — бывали и такие времена. В свое время коммунисты послали его в Москву, в нарком Орджоникидзе, добиваясь отпуски средств на постройку нового турбоцеха, — от этого зависел успех ленинского плана электрификации. И нарком Орджоникидзе, побеседовав с Бугровым, поверил, что рабочий коллектив на Выборгской стороне построит турбины не хуже шведов и американцев, что это дело чести, его достоинства, что заказ на турбины можно оставить дома, а не от-

правлять за океан, и что средства, отпущенные на огромный цех, оправдаются. Заводские инженеры — в большинстве своем бывшие токари, слесари, разметчики, модельщики, увлеченные в заводском влуге, — искали и нашли на сборочном стенде у Бугрова поддержку в споре, разгоревшемся после войны с инженерами крупнейшей американской фирмы «Ньюпорт-Ньюс» из штата Виргиния. То был спор Выборгской стороны с северо-американским штатом. Американцы на основе практического опыта своих заводов и научных исследований в лабораториях доказывали, что для Днепротреста возможно построить турбины только с таким-то коэффициентом полезного действия, и не выше. А Выборгская сторона доказала, что для Днепротреста можно создать технику с более высокими показателями. Мы выиграли этот спор. Но ведь спорил Выборгская сторона не только о коэффициенте полезного действия девяти днепровских турбин. Спор был давний, орокадечный, начавшийся сразу после Октября... Как смели были люди на Выборгской стороне, когда строили баррикады на углу Безбородьинского проспекта и Варваринской и, почти безоружные, вступили в схватку с конной жандармерией царя: когда высылали боевиков на Самтоиневский мост охранять VI съезд партии; когда штурмовали Зимний!.. Потом настало время взять рабочим в свои руки управление производством. Не хватало знаний и опыта, смелость баррикад здесь уже не всегда годилась. Слесарь Иван Капитонович Ложечников, избранный в 1917 году председателем совета старост на Металлическом заводе, рассказывал мне, как тогда осуществляли контроль над производством. — Прошли мы в полном составе к директору завода Панкову. Он фыркнул. «Что это, спросил, такое — контроль над производством? Что он будет делать?» И растерянно посмотрел на свои руки. Действительно, что делать? будем? Все-таки я надувал. «Начиная с сего дня, сказал, ни одной бумажки без нас никому не посылайте». Панков опять фыркнул: «Бумажки... Так вот, говорит, завод принадлежит англичанам, и вы не можете вводить здесь своих порядков, вернее — беспорядков». С тем мы и ушли. На Выборгской стороне, куда ни кинешь взгляд, всюду была иностранная компания. У нас — англичане, там Рено, там Эриксон, там Розенкранц... Потолковали мы на своем совете старост, сами ничего надумать не смогли и решили ехать за советом к Владимиру Ильичу. К Владимиру Ильичу взяли со всех заводов Петрограда. И я ему сказал откровенно: «Нас многие к себе тянули, большевики, правые эсеры, левые эсеры, анархисты... Мы никому не поверили — только вам. Теперь научите — что делать?» «Что делать? Быть революционерами до конца... Панков не платит рабочим? Вытрите у Панкова деньги. Арестуйте кассу. Иностранцев владеть! Чуху!» На производстве может быть только один владелец — рабочий класс... Владимир Ильич заинтересовался, как ведут себя на заводе сыновья заводчиков, чиновников. Эти сынки были чуждым элементом, который устраивался на военные заводы, только бы уклониться от военной службы. Владимир Ильич спросил: «Бегут?» «Кто куда...» «И не держите!» Два раза мы ездили к Владимиру Ильичу и после этого стали посмедем. Но завод все-таки пришлось закрыть. Панков вчет. Инженеры, кроме одного, ушли. Рабочие — кто уехал от голода в деревню, кто воевал на фронтах гражданской войны. Оставалось малое число. Единственное, что мы сделали за годы гражданской войны, — отремонтировали плавающую мастерскую по ремонту водных паровых машин. Это была работа, которую мы могли бы сделать. Очень обидно было... Ну, а теперь, наверно, спросите, что мы потом сделали на заводе? — друг усмехнулся Ложечников.

ГОРОД ИЛЬИЧА

Здесь каждый камень Ленина знает... (В. Маяковский).

Александр ПРОКОФЬЕВ

Величествен, прост и прекрасен Ленинград. Геній русского народа, беспримерный труд создали этот город над Невой, навеки прославили, дали ему бессмертие. Миллионы и миллионы людей на всей земле любят Ленинград, город мужества, воли, город Великого Октября.

На стаях островах раскинулся могучий и неповторимый город, любимец России, любимец народов Советского Союза, Ленинград, город заводов и фабрик, театров и музеев, широких проспектов и площадей, город больших просторов, устремленный к морю, вольно раскинувшийся над Невой, взметнувшийся в небо трубы заводов и шпалы своих замечательных зданий.

Многим гордится Ленинград: своей трудовой и боевой славой, своим беззаветным мужеством и героизмом, великими делами великих сыновей и дочерей России. Но есть у него еще особенная гордость — он носит имя бессмертного Ленина!

Величествен, прост и прекрасен Ленинград. Геній русского народа, беспримерный труд создали этот город над Невой, навеки прославили, дали ему бессмертие. Миллионы и миллионы людей на всей земле любят Ленинград, город мужества, воли, город Великого Октября.

Революционный Петроград по праву и по любви народной был назван именем Ленина, ибо славная судьба города неразрывно связана с жизнью Владимира Ильича, с его ленинскими и ленинскими созданный им великой партией, разумом и подвигами которой преобразуется мир.

Вот широкая зеленая площадь перед Финляндским вокзалом. В исторический приезд Ленина 3 (16) апреля 1917 года она не была такой. Она была ската тогда деревянными домами, флигелями (мы ей позже дали простор, раздвинули ее пределы, вывели к Неве), но она смогла и тогда вместить десятки тысяч рабочих и работниц Петрограда, балтийских матросов, пулеметчиков, самолетчиков, революционных солдат Петроградского гарнизона, вышедших встречать своего вождя.

Ночная тьма была покорена прожекторами. На плакатах и знаменах горели слова: «Привет Ленину!». Руки прелестных друзей подняли Владимира Ильича на броневик. И здесь, на площади, с этого броневика Ленин произнес знаменитую речь.

Вот широкая зеленая площадь перед Финляндским вокзалом. В исторический приезд Ленина 3 (16) апреля 1917 года она не была такой. Она была ската тогда деревянными домами, флигелями (мы ей позже дали простор, раздвинули ее пределы, вывели к Неве), но она смогла и тогда вместить десятки тысяч рабочих и работниц Петрограда, балтийских матросов, пулеметчиков, самолетчиков, революционных солдат Петроградского гарнизона, вышедших встречать своего вождя.

Уж много лет на этой площади высится памятник — на нем с просторной рукой запечатлен в бронзе Ленин, вождь и учитель народа. Этот памятник стал символом социалистического Ленинграда.

Вот штаб Октября — Смольный, величественное здание с белыми порталными колоннами.

Горели костры... Были сняты чехмы с пулеметов. Отсюда, наутраемые Лениным, шли отряды красногвардейцев, солдат и матросов на штурм Зимнего, последней твердыни капитала.

Горели костры... Были сняты чехмы с пулеметов. Отсюда, наутраемые Лениным, шли отряды красногвардейцев, солдат и матросов на штурм Зимнего, последней твердыни капитала.

Вот бывшая Сергиевская улица, ныне улица Чайковского, зеленая, светлая, одна из лучших улиц Ленинграда. На ней осенью 1893 года, в доме № 58, на солнечной стороне, у Таврического сада жил Владимир Ильич. А по другую сто-

Вот бывшая Сергиевская улица, ныне улица Чайковского, зеленая, светлая, одна из лучших улиц Ленинграда. На ней осенью 1893 года, в доме № 58, на солнечной стороне, у Таврического сада жил Владимир Ильич. А по другую сто-

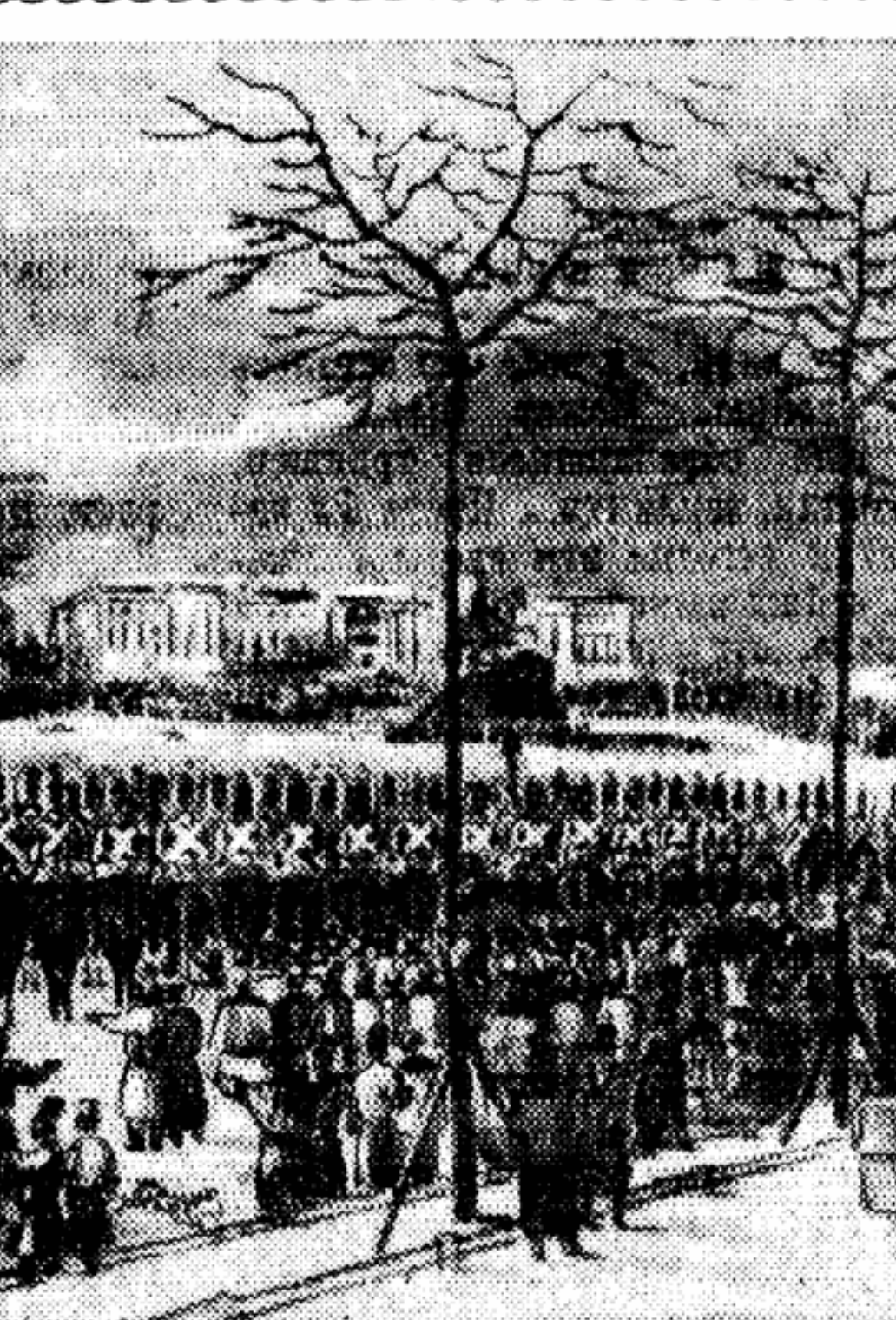
Вот они, улицы Ленинграда, вот дома, вот квартиры, слышавшие шаги Ленина, его голос, видевшие радости и трудности его пламенной жизни.

Вот они, улицы Ленинграда, вот дома, вот квартиры, слышавшие шаги Ленина, его голос, видевшие радости и трудности его пламенной жизни.

Семен БОТВИННИК
Немеркнувший свет
На Дворцовую площадь
пройди из-под арки
и вдохни
этот ветер борьбы и побед —
и в лицо тебе
хлынет трепещущий, яркий,
удивительно чистый,
немеркнувший свет.
И простор пред тобою предстанет
воочию —
небывалый простор, что открылся
стране,
свет и мир
добывавшей Октябрьской ночью,
в темноте непроглядной,
в смертельном огне.

14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь двинулись вооруженные выступление против царства.

Здесь Россия шла на первый приступ
По крутым сугробам декабря,
Здесь на площадь вышла декабристы,

Сергей СМЕРНОВ
Пятнадцать минут
В 1942 году я с группой товарищей участвовал в работе по эвакуации рабочих и промышленного оборудования из оккупированного Ленинграда. Вот один из эпизодов того времени.
В безоблачный день
громыхнуло где-то,
и с неба упала
Стена огня.
Пятнадцать минут продолжалось это.
Весь город гудел,
как гудит броня.
Осколки, свистя, колотились в стены.
Асфальт одевался в седой налет... Сплошно.
По будничному степенно
В парадном подъезде стоял народ.
Давно промелькнули минуты эти,
Как дыма клубящиеся клочки,
Но я не забуду,
как плачут дети,
Сжимаая костлявые кулачки.

В середине прошлого века город стал средоточием общественно-политической мысли. Здесь жили и писали Великий, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов.

О город, город...
В стенах твоих
Исть, и были в стары годы
Друзья народа и свободы...
Ты дорог нам — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пылкой мысли и труда!
И. НЕКРАСОВ

Петербург — это город, в котором начинал борьбу за создание революционной партии пролетариата великий Ленин. Здесь Ленин основал «Землю и свободу» — первую партию рабочего класса.

Бился об Ленина темный класс,
тек от него в просветленья,
и, обданный силой
и мыслями масс,
рос Ленин.
И уже превращается в то,
в чей юности Ленин клялся:
— Мы не одиночки,
мы — союз борьбы за освобождение рабочего класса.
Вл. МАЯКОВСКИЙ

ВЕЧНО ЮНЫЙ

...Так что же мне сказать тебе и о тебе, Ленинград, в дни, когда отмечается твоё суровое и величавое двухсотпятидесятилетие?

Нет, не праздно спрашивая я себя и тебя об этом: мне надо говорить о тебе столь же много, как о жизни всей страны, столь же много, как о своей жизни, — ведь это неотделимо. И вот не знаю, что же выбрать, что предпочесть из огромного потока событий, фактов, чувств для краткого слова о родном городе в день его праздника. И пусть простят меня, что слово это будет не слишком стройным, что «я» и «мы» будут постоянно заменять друг друга, — ведь не о себе же я хочу написать, а о нашем поколении, о сверстниках своих — ленинградцах, а мы все и есть Ленинград.

Завтра, 23 июня, ровно в 12 часов дня из Петропавловской крепости раздаётся выстрел: это по традиции, установленной еще в петровские времена, ударит старая-старая, недавно восстановленная пушка, возвещающая, что в городе наступил полдень. И сразу после этого удара начнется общегородской митинг в честь двухсотпятидесятилетия Ленинграда на великомолном, громадном, недавно сооруженном стадионе имени Кирова.

Мне думается, что, пожалуй, ни в одном городе так тесно не связаны личная судьба человека с судьбой города, как в Ленинграде. Это, наверное, потому, что у Ленинграда, как и у живого человека, есть своя собственная судьба (наверное, ее можно назвать — история), не похожая на судьбу никакого другого города (а ведь есть же города с одинаковыми судьбами), интенсивная, трагедийная и героическая судьба, неповторимая, как его природа, как его человеческая душа и особая вычужденный профиль. Я говорю о ленинградской природе, имея в виду не только белые ночи его, и северные сияния, возникающие иногда над ним, и не только Неву, и ветры с залива, и морские туманы. В Ленинграде природой, самой настоящей природой, как бы незащищенной уже от человека, когда-то создавшего его, стали его здания, его парки, ансамбли, памятники. Улица города России — ведь это уже природа, а не архитектура... Взгляни на Биржу и Ротонду, на колонны, на которых тоже в честь двухсотпятидесятилетия будут зажжены в огромных чашах огня, переживи взгляд влево, на строгий и нежный силуэт Петропавловки, — разве это не самая настоящая природа? А наши сады и парки, включая и совсем молодые парки Победы, посаженные уже нашими руками, — это не только природа, но и архитектура: они построены, наши сады, наши улицы, вместе с деревьями — Большой проспект Васильевского острова, Московский проспект... И природа, созданная человеком, благодарно-наивно хранит его душу, его историю, его судьбу.

История-судьба Ленинграда неповторима, в особенности потому, что этим городом и в этом городе несколько раз решалась судьба всей нашей Родины.

Рождение града святого Петра, Санкт-Петербурга, знаменовало собой рождение новой эпохи в истории России. Здесь, в Петрограде, точнее — в красном Петере, судьба России изменилась: еще раз — здесь петербургский пролетариат низвергнул самодержавие и, ведомый Лениным и ленинской партией большевиков, совершил Октябрьскую революцию и установил власть самих трудящихся — власть Советов. Мы — Ленинград — называемся колыбелью Революции. Колыбелью Социалистической Революции. На постаменте памятника Ленину у Финляндского вокзала нанесены исторические слова из речи Ильича к литердам, балтийцам и солдатам: «...и да здравствует социалистическая революция во всем мире!»

А во время блокады мы отмечали двухсотпятидесятилетие нашего города и, так как враг был буквально у стен Ленинграда, к тому, что я уже сказала выше, мы добавляли: — И вновь судьба всей России в эти дни во многом зависит от нашего города... и по сей день он является узловым пунктом обороны всей страны.

Как много можно сейчас добавить к этому, тем более, что если историю-судьбу Санкт-Петербурга — Петрограда наше поколение выработало свое сознание естественно и живо, но все же, как нечто полулегендарное, то уж история-судьба Ленинграда — это наша жизнь. Все в Ленинграде — наша жизнь, включая ленинградские памятники. Говорят, памятники обращены к прошлому. Часто Ленинград называют «городом-памятником» или «музеем под открытым небом». Некоторые из сверстников моих усматривают в этом нечто, вроде как обобщающее Ленинград. Нет! Памятник всегда обращен к будущему — к тем поколениям, которые придут. Чем смелее и откровеннее памятник, чем больше сегодняшней человеческой души вобрал он в себя, тем

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

большое обращен он к будущему, тем правдивее и бесстрашнее может он говорить с ним. И тем стремительней движется он к будущему. Так, Ленин на броневике, великий человек, чье имя носит наш город, чье изображение видим мы на лицевой стороне медали «В память 250-летия Ленинграда» — это памятник, вечно движущийся, обращенный к потомкам. И юность, усмиряющая стихию разъяренных коней на Аничковом мосту, — тоже. И Медный Всадник, — он тоже для будущего, в немислальной простоте своей, с голой ногой, висящей вдоль конского бока.

И висит нога его босая... Холодно, наверное, босая.

(Ворис Корнилов)

Так что же выбрать мне, по какому же месту, по какой окраине, по какой афише пройти, чтоб написать о двух юбилеях? Невская застава? Арка Деламота — Новая Голландия? Университет? До чего ни дотронься, — все твоя жизнь, рядового ленинградца, и кем бы ты ни был, ты прежде всего гражданин города Ленина, — все дорого, все неразделимо с давним днем прошлого, и с завтрашним, и с далеким будущим.

Вот Невская застава — страна детства... Здесь я помню еще Петроград, и как горел устакон, и как на амбарах — целая улица из амбаров — было написано узкими белыми буквами: «Ум не терпит неволи». — «Не трудящийся да не ест». — «Охранять революцию». — «Кто не с нами — тот против нас»...

Вот Васильевский остров, университет. Это юность. Это первая пятiletка. Это пронзанный лучами солнца, стоящими на тончайшей книжной пыли, университетский коридор, и первая настоящая любовь, и Маяковский, и ожесточенная работа на субботниках в порту, на погрузке балласта. Балласт — это не бухгалтерия, были просто такие аккумуляторы балласта бревнышки. Ужасно их много было, — целые кварталы. Мы, студенты, таскали их на плечах без отказа, уж даже не вспомнить, по сколько кубов. Но это нужно было для создания фундамента социализма! В чем мы могли отказать ему, в чем могли бы усомниться хотя бы мгновение? Одновременно с погрузкой балласта, учебой мы еще ликвидировали неграмотность и готовили «рабочую тысячу» в университете. В группе молодых рабочих, готовившихся в университет, у меня в общем все шло благополучно, но мой неграмотный был нерусский, он упорно не мог выговаривать, а значит, и писать букву «ф», и я из-за этого не могла же считать его грамотным! Комсомольское поручение проваливалось из-за буквы «ф». Позор!

А Кировский завод, — он тогда был «Красным путиловцем», — где я проходила первую практику в механосборочном цехе? Это было в 1930 году, в «Особом квартале», когда «Красный путиловец» только что приступил к серийному выпуску советских тракторов «Фордзон-Путиловец».

Все это были ночи большевистской весны, белые ночи Ленинграда. О, Ленинград, Ленинград, посылавший в эти ночи на поля страны первые свои тракторы и первые своих двадцатипятилетичников, Ленинград первой пятiletки, той пятiletки, когда каждый из нас как можно чаще старался промолвить слова «тяжелая индустрия», каким светом осталась ты в сердце!

А потом в жизнь мою вошла Московская застава — завод «Электросила», готовивший первые в СССР сверхмощные генераторы для Днепротреста, для Сибири, электропривод для первого бумажника, электромоторы для Донбасса. Я в это время работала там редактором комсомольской странички заводской многотиражки, агитатором и пропагандистом, историком завода... Вы думаете, что я похвалилась жизнью моей? Конечно, да! А что бы я была за ленинградка, если бы не хвалилась единой жизнью с городом? Мы все этим гордимся.

Ныне на «Электросиле» полным ходом идет изготовление первого в Советском Союзе турбогенератора в 200 тысяч киловатт для форсированным охлаждением обмотки ротора: начато рабочее проектирование гидротурбогенератора в 200 тысяч киловатт для Братской ГЭС. И с особым чувством работают электросилевцы над гидротурбогенератором для Сталинградской ГЭС; и этот генератор должен быть лучше и легче, чем уже изготовленные гидротурбогенераторы для Куйбышевской ГЭС.

Нет, я когда-нибудь напишу об этом — о Ленинграде, как источнике света и энергии, ведь простое перечисление почти ничего не значит, — это живые человеческие жизни, живые судьбы вложены в каждый виток обмотки ротора для Братской или Сталинградской станции... Я напишу когда-нибудь пример-

но так: вот обмотчик, фрезеровщик, птжежер — разные люди разных характеров. Они работают над одной и той же машиной и в одно и то же время думают, каждый по-своему, что-то глубоко лично переживают, хорошее и плохое, а стержень, острей мысли и энергии у всех устремлены на главное — сделать машину как можно лучше: ведь она для других людей... И вот все, чем они жили, влилось в эту машину, источник света и энергии... А рядом с этим надо написать, как жили, кто думал и чувствовал те, для кого машина строилась, кто принял ее свет и силу... «От сердца к сердцу» — этот закон действителен не только для искусства, но и для всего человеческого деяния. От сердца к сердцу, — так жил и живет Ленинград, особенно после великой даты, после Октября...

И, наверное, так и не доберусь до юбилейных фраз. В них ли дело? Все равно, мне нужно сказать о Ленинграде и ленинградцах так много, что не только «размеры газетной статьи», но вся будущая работа моя не вместит этого. Это уж наше общее дело, — трудное, долгое и не юбилейное. А я еще не написала, например, о ленинградских станках, выпущенных в честь 250-летия города, станках-великанах, станках-умниках, станках, рождающих станки. Не написала и о том, что наш город стоит у моря, а море в конце Большого проспекта Васильевского острова, — до него можно доехать на трамвае. Не знаю, как кого, а это меня всегда удивляет и радует. Наш город — морской, наш город у моря, первая русская морская победа была одержана здесь над шведами — при Пиеншанце, и Петр Первый в честь ее приказал выбить медаль с надписью: «небываемое бывает». И так естественно, что Валтийский завод в честь 250-летия города построил новые корабли; ведь наш город — это город кораблестроителя. На водную гладь Невы в дни ленинградского праздника должен быть спущен рефрижераторный дизель-электрод «Волочаевск», потом — другие суда...

А сколько кораблей в эти праздничные дни стоит у причалов нашего порта, — разные есть среди них. «Все флаги в гости будут к нам». Что же, добро пожаловать! Посмотрите на Ленинград — «музей под открытым небом» — на колыбель Революции, на город-герой. Смотрите на него и внимайте ему с открытым, с чистым сердцем, с таким, как у него. Он ничего не утаил от мира. Все его радости, страдания, победы — все вас на виду. Он рад поделиться с людьми всем материальным и духовным богатством, которое завоевал такой великой кровью, таким трудом и такой честностью.

Ведь я еще ничего не сказала о героических днях блокады, о днях, за которые Родина удостоила Ленинград редким званием города-героя. Это у всех у нас, ленинградских писателей, такое чувство: мы много писали о блокадном Ленинграде, мы, по правде говоря, много хорошего написали, а вот чего-то главного пока все еще так и не сказали. Почему? Предоставим историкам литературы разбираться в этом. А мы сами скажем об этом главном непреломно. Это ведь тоже луч в будущее. У Ленинграда, города-героя, города-человека, города-коммуниста, прошлого, настоящего и будущего слиты, и все обращено к будущему. Каким он будет, Ленинград будущего, спрашивают меня. И я хочу ответить: прежде всего таким, как теперь, — с его историей, с его природой, с его характером, с его славной преданностью Родине. Он есть и будет прежде всего — колыбелью Революции, а это и есть будущее.

Я часто бываю за Невской заставой, в стране детства, хотя уже и не живу там. Я была там недавно, — как она изменилась, как много новых домов, там, где были болота и плавали гуси, какие высокие новые строения возникли там, где был отчий дом, разбитый снарядом... А потом был просто пустырь, и сейчас восходят новые дома...

Все слышно — и все на пустыре, и все на той же розовой заре, на зябучей, огромной и дрожащей; и эти уютные дома, и взлеты вдохновения и ума, и рои наших младенческих чашки...

И радостно и почему-то чуть-чуть где-то в глубине грустно от этих изменений. Почему? Потому что у меня, человека, жизни уже сокращается, а он, город, наоборот, идет к вечной юности, к расцвету! Вот так подумалось. Но тут же возникла другая мысль: да, но все мои радости, все горести, все боли, весь труд — ведь это же все останется в нем, как остались жизнь и труд предыдущих поколений и отдельных людей, и их сердца. Значит, ничто не исчезнет. Значит, пока стоит Ленинград, вечно будут живы те, кто его любил, кто был ему предан, кто вложил сюда жизнь и веру...

Вечно будет жить в народе память о жертвах «Иржавого восстания». Над дворовой площадью грели залпы царских войск. Здесь лилась кровь. Здесь загорался пожар революции 1905 года.

Девятое января. Конец гапонщины. Падаем, царским свинцом косим.

Бредня о милости царской прикончена с бойней Мукденской, с треском Цусимы.

Довольно! Не верим разговорам посторонним! Вл. МАЯКОВСКИЙ

ДУША ЛЕНИНГРАДА

Петроград, Петроград, Ленинград... Три облика единого города, три этапа родной истории, три периода в жизни русской культуры.

250 лет — не такой уж большой исторический возраст. Но Ленинград вправе называть себя ветераном истории, городом, где сложились воедино многие эпохи, многие чувства. Они живут, осуществляя, дополняя друг друга и вместе с тем говоря о том, что все это сосредоточение каменных зданий, мощных заводов и верфей, памятников мировой архитектуры, садов, посаженных еще в XVIII веке, и парков Победы, поднимающихся на наших глазах, все эти улицы, площади, подземные трассы метро — не только создание трутовых рук, но и живая душа народа. В самые трудные времена народ боролся за светлое будущее; он ликовал в дни побед, он мирно трудился для себя и для тех, кто будет жить после нас. Такому городу суждена вечная юность. Он родился не вчера, и жить ему еще долгие и долгие века.

Наш город — не только музей воспоминаний, не только фабрика экономических ценностей. Ленинград — великое сооружение людей единой идеи.

А если вспомнить, что эта идея родилась здесь в великие дни Октября и отсюда ленинским гением была вынута в победоносный поход история, — становится понятной любовь каждого ленинградца к своему городу.

И дело здесь не только в том, что Ленинград — один из красивейших городов мира, что внешний облик его создан высоким порывом родного искусства и широчайшим размахом народного труда. Он — колыбель нашей Революции, трижды закаленный в пламени героической борьбы, ветеран недавней военной славы и кузница будущего, растущего на наших глазах.

Я старый, исконный ленинградец. Нет улицы, площади, канала, которых я не знал бы с детства. Каждое здание смотрит на меня знакомым лицом. И когда я иду по прямым проспектам, по гранитным набережным Невы или вдоль извилистых каналов, где у каждого свода, неповторимый рисунок чугунной решетки, — далекое прошлое сливается для меня с настоящим в живое чувство истории и современности. Я зримо и осязательно ощущаю их единство. А то, что мы называем «будущим», кажется уже живым, существующим вот здесь, в делах и сердцах моих современников-ленинградцев, братьев по вихоренному труду. И становится тогда Ленинградом не только крупная географическая точка на карте Родины, а живой калейдоскоп сердца, имя которому на всех языках мира — Советская страна.

...Не так давно — отсюда рукой подать — проходила линия фронта. Трамваем можно было доходить до КП обороняющихся город дивизий. Вражеские снаряды с воем пронеслись тогда над крышами каменных громад и с сухим коротким треском рассыпались смертоносными осколками. Ночью острейшие лучи прожекторов, расходясь и скрепявшись, резали тьму ленинградского неба. Прозвительно выла сирена, и в наступившей внезапно тишине, такой тишине, от которой сжималось сердце, глухой удар сотрясал землю.

А Ленинград продолжал жить привычной трудовой жизнью, с единой мыслью: выстоять, победить во что бы то ни стало!

И он победил — город-герой! 900 дней

блокады — его боевая слава, ни с чем не сравнимая в его истории. И тогда мужества, стойкости, любви к родной Советской стране.

Неповторимо прекрасен возрожденный Ленинград. Не узнал бы теперь Гоголь Невского проспекта. Иная жизнь течет по его широкому тротуару. Тщетно было бы искать и те мешанские шерудки возле Сенной, где бродил когда-то бессонным ночами юный Достоевский. Но сохранились некоторые дома той эпохи, — и они могли бы рассказать о многом.

По-прежнему глядят на сонную Мойку окна последней пушкинской квартиры. Низкие уютные комнаты, обставленные старинной мебелью, еще, кажется, наполнены воздухом тревожных «последних дней». В кабинете по стенам — пушкинские книги, у окна — рабочий стол, и на нем — последнее письмо поэта.

Пройдите по одной из самых шумных магистралей города — Литейному проспекту. На углу одной из улиц, называвшейся прежде Бассейной, — небольшое трехэтажное здание. Здесь в квартире Н. А. Некрасова, превращенной ныне в музей, помещалась редакция «Современника». Почти вся русская демократическая литература, все передовые идеи века звучали и раскрывались в этих скромных комнатах. Это только не поднималась по этой узкой лестнице — и Добролюбов, и Чернышевский, и Тургенев, и Гончаров, и Островский, и Григорьев, и Лев Толстой! А если подняться к окну, то на другой стороне улицы увидишь и тот «парадный подъезд», у которого тополиное горе народное, с такой страстной силой ударившее по сердцам в некросовых стихах.

Почти вся история русской науки, литературы, живописи, музыки за два столетия, предшествующих Октябрю, прошла на неских берегах.

Если пройти вдоль фасада захаровского Адмиралтейства, свернуть на Невский, там, где пересекается он узкою лентой Мойки, можно увидеть одно из старинных зданий, у которого есть своя долгая и почтенная история. В предреволюционные годы весь верхний этаж его занимала огромная квартира купцов-бакалейщиков, братьев Елисеевых. Сразу же после февральских дней Елисеевы бежали за границу, и все помещение было передано в распоряжение А. М. Горького, который основал здесь Дом искусств и общежитие для литераторов старшего и молодого поколений.

В эту пору особенно неутомимой, порячей была деятельность А. М. Горького. Все свои силы отдавал он возрождению культурной жизни города. Под его председательством работала Центральная комиссия по улучшению быта ученых («ЦЕКУБУ»), издательство «Всемирная литература» выпускало первые книги, в Большом драматическом театре, где литературной частью ведал А. Блок, шли пьесы героического репертуара. Ожил и Дом искусств, основанный Горьким. Впервые стали устраиваться здесь литературные вечера для широкой аудитории, возникли различные студии и семинары — для начинающих литераторов. Дом искусств из литературского общежития с комнатками, где чадили неизбежные в то время печки-буржуйки,

начал превращаться в оживленный клуб, к которому постепенно стягивались писатели, поэты, художники. Времени было бурным, пестрым, еще не остывшим и население бывшей елисеевской огромной квартиры.

Литераторы дореволюционной эпохи бок о бок жили здесь с представителями самого юного поколения. События в литературной жизни той поры бывали преемны в Ленинград Владимира Маяковского. Сюда, в белый зал Дома искусств, приехал он прочесть только что написанную поему «150 000 000».

А в одной из маленьких комнатешек собирались молодые энтузиасты литературы для чтения первых своих рассказов и повестей. В этом братском содружестве, тесном товарищеском общении росли и крепились зародки тех, ныне широко известных писателей, юность которых совпала с юностью советской литературы. Это были Н. Тихонов, Е. Федина, М. Слонимский, Н. Никитин, несколько позднее Вс. Иванов и другие. Конечно, им отечески помог А. М. Горький.

В Ленинграде создавались первые советские исторические романы, в которых по-новому творчески переосмыслилось наследие прошлого: «Современники» и «Одеты камнем» Ольги Форш, «Разин Степан» А. Чапыгина, «Смерть Вазир-Мухтара» и «Бюхля» Ю. Тынянова, «Емельян Пугачев» В. Шшшкова. Жизнь воплощением совсем недавно пережитой истории были «Города и годы» К. Федина — один из самых первых по времени романов нашей молодой тогда литературы. Здесь же выходили первые стихотворные сборники Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова, О. Берггольц, в которых тема родного города тесно связана с его революционными судьбами.

Литературная жизнь Ленинграда давно слалась с жизнью всей необъятной нашей страны. Книги писателей-ленинградцев, начавших свой путь еще в ювоненную пору, известны далеко за пределами их родного города. Им вслед идет талантливая молодежь — прозаики и поэты, — большая часть которой воспитана в творческих литературных кружках, существующих почти при всех крупных промышленных предприятиях и домах культуры города Ленина.

Ленинград сегодня уже не такой, каким он был еще вчера, а завтра будет совсем непохож на то, что видим мы вокруг себя сейчас, в эту минуту. Он устремлен в будущее, как и вся великая страна. Сегодня, пролетая на машине по прямому, как стрела, Московскому проспекту, вдоль стройных кварталов, возникших по кировскому плану, с трудом веришь, что еще недавно здесь были глухие окраинные пустыри. А там, на приневской равнине, где когда-то рвались снаряды и горела земля, уже тянутся вверх молодые яблоньки — будущее кольцо фруктовых садов. Давно уже стало историческим преданием представление о болотной низине, о «топи блат».

Расчерченный на стройные кварталы, пронзанный цепочкой зеленых насаждений, обвеваемый свежими ветрами Балтики, стоит новый Ленинград, город тесного содружества труда и науки, веро техники и искусства, славных исторических воспоминаний и неустанного кипения юной жизни, город молодости и силы, достойный сверстник Великого Октября.

В апреле 1917 года рабочий Питер встречал Ленина. В своей речи, промисленной с броньей, великий вождь пролетариата призвал народ к борьбе за победу социалистической революции.

...Вдруг оттуда, из-за Невы, с Финляндского вокзала по Выборгской загрохотал броневик. И снова ветер свежий, прешкий валы революции поднял в пене. Литейный залили блузы и кепки: «Ленин с нами! Да здравствует Ленин!» Вл. МАЯКОВСКИЙ

Ленинград — колыбель пролетарской революции. В ночь с 25 на 26 октября 1917 года вооруженные отряды красногвардейцев штурмом взяли Зимний дворец. Октябрьская революция свершилась!

А поверху — город как будто бабахнула шестидюймовка Авророва. И вот еще не успела она рассыпаться, — гула и грозна — над Петропавловкой зазвонил фонарь, восстания условный знак. — Долой! На приступ! Вперед! На приступ! Вл. МАЯКОВСКИЙ

На второй и третьей страницах воспроизведены следующие картины и рисунки: М. Павлов «Медный всадник», И. Кольман «На Санктской площади 14 декабря 1825 года», В. Пак «В редакции журнала «Современник», А. Моравов «Ленин руководит крупном петербургских рабочих», И. Владимиров «9 января 1905 года», И. Тондзе «Призыв вояды», В. Серов «Взятие Зимнего».

МЫ СНОВА ВСТРЕТИМСЯ...

Мы шлем привет Ленинграду, который в эти дни отмечает свое двестишестидесятилетие. Как он молод, как красив! Ведь это один из самых молодых городов России. Он вырос среди болот, — как Минерва из головы Юпитера. — в великую эпоху расцвета разума.

Но что такое два с половиной века для города, которому суждено жить тысячелетия, наблюдать смену эпох и поколений, быть свидетелем самых непредвиденных событий!

Ленинград представляется — даже тем, кто никогда его не видел, — очень старинным городом, настолько богата его история. Эта история принадлежит не только ему, она не ограничена рамками городской жизни, она всегда была важной частью истории всей великой страны, всего мира.

Я был в Ленинграде. К сожалению, очень недолго: всего несколько дней. Это было осенью 1955 года. Я подробно написал об этом в своей книге «У грядущего — древняя, добрая душа». Но образ Ленинграда во всем его сказочном очаровании жил в моей душе с юных лет. И не только я, — вся итальянская молодежь того времени любила этот город, — в те годы он еще назывался Петербургом, — его архитектуру, его северную красоту. Нас сроднили с ним многочисленные образы великой русской литературы, созданные Пушкиным, Достоевским, Гончаровым, многими писателями и поэтами, включая современных. От них мы узнали, как выглядит город, как он расположен, каковы нравы его обитателей. Вместе с героями их произведений мы бродили по улицам и по мостам, гуляли по Невскому проспекту, по набережным Невы, любовались ее голубыми, подернутыми рябью просторами, проводили долгие зимние вечера у печки, а летом любовались поздними сумерками и белыми ночами.

Созданию этого первоначального — поэтического и романтического — представления о городе способствовали не только русские писатели, но и писатели многих других стран, начиная с Юзефа Де Местра (он был почти моим земляком) — посланника сардинского короля. Его писания повествуют о «Берегах в Санкт-Петербурге», о политико-философских спорах конца XVIII века, о том, как по вечерам плавно и изящно скользили по Неве лодки.

Впоследствии, изучая историю, мы обогатили почерпнутые из литературы представления юных лет. Город Петра и Екатерины стал городом передового русского пролетариата, городом новых народных сил, городом революции. С помощью этих фактов и собственной фантазии я много лет рисовал его в своем воображении, я интуитивно, всем сердцем чувствовал его. Все это делало Ленинград, с его нравами, его обликом, его историей, каким-то необычайно близким, хотя он так отличался — и по природным условиям, и по размерам — от моего родного города Турина, который некогда был столицей Пьемонта и Италии.

Мне казалось, что должно было быть некоторое сходство в жизни этих двух городов, в самом духе их природной архитектуры, и там и здесь возникшей по воле абсолютного монарха, архитектуры рациональной и гармоничной, расходящейся и вместе с тем изящной, проникнутой духом великой европейской культуры, привнесеной извне такими людьми, как Растрелли в России и Юваря и Гварини у нас.

Оба эти города были центрами, вокруг которых происходило объединение страны, центрами культуры, прогресса, знаний, борьбы. А когда они перестали быть административными центрами, они превратились в крупнейшие центры современного пролетариата, в города рабочих, охваченных революционным порывом.

Мне представлялось, что политическое сходство должно было в какой-то мере проявиться и в сходстве характеров их обитателей, в их сдержанности, вежливости, в их благородном и упорном стремлении к самостоятельности.

Вот почему, когда в один прекрасный день, сойдя с московского поезда, я, наконец, очутился на вокзальной площади Ленинграда, мне почувствовалось, будто я вижу что-то такое, что знал с детства, знал всю жизнь, будто я дышу воздухом своей родины.

Город предстал передо мной во всей своей красе. Я увидел, как он живет, как он выглядит сегодня, я увидел его мостовые, серые стены его домов, спасенные историей, волей, мужеством людей. Я видел музеи и заводы, научно-исследовательские институты, победы у писателей, в университетах, в Петровской крепости, на стадионах, в школах, в театрах. Я беседовал с рабочими, студентами, художниками, литераторами, инженерами, с мужчинами, с женщинами, с молодежью. Передо мной раскрывалась простая, молодая творческая жизнь людей, которые верят в себя и в свое будущее, с гордостью говорят о перенесенных невзгодах, о мужестве, с каким они вынесли блокаду и голод.

Я вспоминаю сегодня ленинградцев, мне удалось немного понаблюдать их будни, их труд, узнать, о чем они думают. Я вспоминаю ленинградских юношей и девушек с светлыми чувствами и ясными глазами. Это и есть Ленинград, его грядущие годы, его будущее. Эти юноши и девушки — праздник города, для них придет зима и лето, для них придут новые времена, о которых мы с вами должны подумать.

Я надеюсь, скоро мы снова встретимся у голубых просторов Невы, под высоким ласковым северным небом, и будем рассматривать вдалеке, на противоположном берегу заводские трубы рабочих кварталов и славною реликвию — крейсер «Аврору».

РИМ, 21 июня. (По телеграфу)

ГОСТИ СТОЛИЦЫ

Снова пестрят по Москве афиши, украшенные национальным орнаментом, они оповещают о спектаклях, концертах и вечерах художественных коллективов братской республики. Совсем недавно это был показ татарского искусства и литературы, вслед за ним — литературы и искусства Татарии. А сегодня Москва приветствует писателей и артистов братской Кабардино-Балкарской республики в столице в связи со своим национальным праздником — 400-летием добровольного присоединения Кабарды к России.

Художественный смотр кабардино-балкарской культуры начался торжественным вечером в Колонном зале Дома союзов. Вечер открыл приветственной речью — первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР А. Сафарова. Братский привет гостям от литературы и артистической Москвы передал секретарь правления Союза писателей СССР С. Смирнов и заместитель министра культуры РСФСР И. Нондаков.

За радостью и добрыми чувствами, которыми встречают москвичи кабардино-балкарских писателей и артистов, горячо благодарил в своей речи секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС Х. Бербеков. В заключение Х. Бербеков передал «салом» родной Москве и выразил надежду, что искусство и литература Кабардино-Балкарской республики получат заслуженный зрительский отклик. Москвичи горячо аплодировали поэтам, читавшим стихи о Родине, о дружбе, о Москве, артистам Государственного ансамбля песни и пляски Кабардино-Балкарской АССР, особенно его танцевальной группе, мастерам исполнявшей пластичные и темпераментные танцы своего народа.

В тот же вечер Кабардинский государственный драматический театр показал свое московскому премьеру — комедию М. Шагап-соева «Семья Тамаша» — о современной Кабарде. Вчера шел спектакль «Ривизор». В Колонном зале Дома союзов снова был дан большой концерт Государственного ансамбля песни и пляски.

Горничная, вся в черном, — белое было отменено сейчас же после октябрьского переворота, — вошла в кабинет, не постучавшись.

Две ненависти

(Глава из романа «Лицом к лицу»)

Бугоровский сидел, полуобернувшись к окну, в кресле и читал. Он был в черном сюртуке и лаковых туфлях, но без воротничка. Он распустился, как и все, за эти месяцы.

— Барин! Пришли к вам... из Совета.

Виктор Степанович положил костяной нож на стол.

— Из Совета? Почему же через кухню? По старой тропе?.. — Что ж, он не будет надевать воротник. — Пусть войдут.

В кабинет вошли трое. Небритый рабочий в коротком пальто, худой, длинный еврей и Алексей Черных в военной шинели и фуражке, которую он, единственный, не снял в кабинете.

— Садитесь, господа, — предложил Виктор Степанович. — Чем могу служить? — Он чувствовал — это как раз те слова, которые должны разозлить этих людей, но сдержал себя не мог.

— Постановление есть, — вынул из кармана бумагу рабочий. — Вашу квартиру, как не имеющую вида жилья (Виктор Степанович улыбнулся), как слишком большую для частного пользования и подходящую под общественные нужды, занять под клуб рабочих судостроительной верфи.

Виктор Степанович тяжело сел.

— Что же это... пранкиство? — спросил он не сразу. — Разве это — орудие производства?

Рабочий посмотрел на него изумленным взором. Хотел было что-то объяснить, но не стал.

— Есть декрет Советской власти о вселении рабочих в буржуазные квартиры. Слышали?

— Декреты теперь, как блины... Каждый день новые... —

— Вашу квартиру мы берем под клуб, потому что жить в ней никто не захочет — не расчет... Сколько комнат у вас?

— Не помню... Кажется, тридцать две или тридцать три.

— А членов семья?

— Четверо.

— Хм, — покачал головой худой еврей. — По восьми на брата.

— Нет, на сестру, — оборвал его Виктор Степанович, — потому что, кроме меня и лакея, — все женщины.

— Ну вот оставим вам пять комнат.

— А прислуга где будет жить?

— Прислуг нет. Забудьте! — мрачно сказал Алексей.

— Пока еще есть... Куда же они деются?

— Ну, шесть, граждан. Шесть комнат — за глаза. Вам же будет сподобнее. Насчет топлива... предвидится кризис... и уборка... Остальные мы опечатаем.

— А вещи?

— Постановление — с мебелью. На чем же сидеть?.. Носильные личные вещи — все заберите. Если есть музейные ценности, сдайте в музей.

— Скажите, пожалуйста, какая работа, — иронизировал Виктор Степанович, чувствуя, как нестерпимая боль схватывает сердце. «Вот и сердце зашало», — со старческой тоской подумал он.

— У вас сколько выходов?

— Три или четыре, кажется... —

— Один вам, два лодку.

Вперед уже сидела Мария Матвеевна, Елена и Нина. Дворник сел тут же в глубокое кресло, подперев лицо деревянной рукою, и слезинками глазами с любопытством рассматривал смеявшихся женщин.

Потом все осмотрели ряд небольших комнат у кухни, словно никогда их не видели. А когда рабочий ознакомил переносить туда все лишние вещи, господа и прислуга заматились по комнатам, забрав что попало, все сбрасывая на столы, на стулья, на кушетки и просто на пол.

Ломбард прямо, — смотрел рабочий.

Спор получился из-за большого Сейнвальна.

— Это личная вещь, — сказал Бугоровский. — Подарок.

— А клуб без рояля... Разве это клуб?

— А кто у вас играет? — спросил рабочий.

Все молчали.

— Ну, так об чем речь?

— А в клубе кто будет играть?..

— Напрасно, гражданин. Будет музыкальная секция... —

— А в золотой комнате, где аквариум, пианино есть, — отозвалась вдруг горничная.

— Ну вот пианино — вам.

Мария Матвеевна смотрела на горничную с удивлением.

Нина была тиха, как пичужка под дождем. Виктор Степанович дважды поглядывал ее по голове. Она каждый раз прижималась щекой к мягкой и женственной его руке. Она думала, кому бы рассказать, как их обижали... Еленасносила к себе в комнату только фарфор и картины и, когда рабочий попросил пить, принесла ему воду в стакане с отцовским подстаканником.

Виктор Степанович не принимал участия в общей суматохе. Он рассматривал костяной нож в кабинете так, как Роман публикуется полностью в альманахе «Прибой».

Александр ЛЕБЕДЕНКО

ся к тому, чтобы забрать его дом!

Налога Бугоровский не внес. Дом не дает дохода. Пусть берут с распоряжившихся квартирантов, которые не платят ни властям, ни хозяину.

Его оповестили, что соответствующая сумма, согласно расценкам городской управы, снята с его текущего счета.

Не отнял дом, но отнял квартиру. Может быть, оставит завод, но снимут рубаху! Бугоровский чувствовал себя сосудом, подогреваемым на медленном огне. Стенки не выдержат этого кипения... Он ненавидел всех, кто врывался к нему в кабинет, — свидетелей его бесславного конца, этой агонии, когда отказывают уже последние остатки мужества и выдержки.

Алексей, уходя от Бугоровского, переживал досадные ощущения непопавшей победы над этим, все еще не раздавленным маленьким человеком. Как такому денежному мешку десять процентов... Шесть комнат! У товарища Никифорова мягкое сердце. От жадности эти расфуфыренные бабы набили комнаты хламом — негде пройти. В кабинете можно было бы разместить взвод стрелков. Вот откуда вещи на барахолке. Этот богат зол, как вечно дрожащая африканская собачка Демьяновых, у которой глаза навывкате и голая кожа. Вот если бы такому вернуть деньги и власть!

От этой мысли, пришедшей ему в голову уже на улице, Алексею стало веселее.

Из лекций, читаемых в парторгате, десять лет работала в большевистской подполье, он знает теперь, что революция — это вовсе не черныш перед наполовненными. Эти новые знания были новой силой, приданной к силе рук и силе вражды. Они окрашивали самые серые будни в волнующие краски. Кругом были тысячи людей, которых можно было удивить и покорить этими знаниями.

Эти мысли постепенно овладевали всем существом Алексея, готовясь совершить окончательную победу даже над инстинктами.

Но эти новые мысли еще не были в нем единственными и подвластными. Были моменты, когда инстинкты мстила за временное порабощение.

Вид Бугоровского, холодно маленького человека, среди блестящих серебром, никелем, кожей и лаками вещей, в кресле, мягче, чем подушка, на какой спит рабочий, — этот вид был для Алексея тем же, чем были для него погоны и звездочки офицера в семнадцатом году. Знаки богатства должны были сорваны, как были сорваны знаки власти. Он, Алексей, в этом доме все еще, как нож, вонзенный в чужое тело. На лестницах по-прежнему встречаются люди, покроя одежды которых обличает вчерашних офицеров. Заносчиво несут они свои головы и обдают бывшего солдата взглядом презрения. Сейчас это — единственное их оружие, и потому оно отточено, как хирургический ланцет. Где, в каких рядах будут эти офицеры через месяц? На Дону, на Кубани, в Сибири? Не готовятся ли они к боям здесь, в Петрограде?..

Сверчков — единственный среди них, кто улыбается ему навстречу. Алексей платит ему суровой, сдержанной приветливостью. Они перерассывают фразы при встрече, прикладывая руку к козырьку. Сверчков был человек, который не шел ни в счет друзей, ни в счет врагов.

Вторым таким человеком в доме был художник Евдокимов. Как член домового комитета, Алексей был у него в мастерской. Евдокимов рисовал ковры на солнечном дворе и рассказывал Алексею, что он сын железнодорожника и учился на стипендию. На столе у него стоял стакан недопитого жидкого чая без блинда и кусок сухаря.

Но Алексей знал, что с ним дружит дочь Бугоровского, красавица, одетая, как купца. Эти промежуточные люди возбуждали у Алексея крестьянскую настороженность и любовь.

Черных охотно проникал во все квартиры дома, и глаз его не упускал ни одной черты чужого быта.

Вечерами он уходил в партийный клуб. На пороге шумного особняка, куда стекалась молодежь с заводов, где кепки смешивались с фуражками военного образца, где в проходах гремел язык пиетерских застав и предметей, в залах читались доклады о текущем моменте, о финансовом капитале, об империализме, о виновниках войны, о путях пролетарского государства, — на пороге этого особняка Алексея оставила настороженность, он становился самим собой.

В районной библиотеке он взял три-четыре книги без выбора, — они не завладели его вниманием. Цветы оказались без аромата.

Он предпочел брать книги у товарища. Он одолевал эти книги уже не приступом, но долгой и упорной осадой, которая незаметно переходила в братанье с автором и его мыслями.

Иногда ему казалось, что он беспомощен перед этой лавиной мудрости и фактов. Он был подобен губке, опущенной в воду. Влага наполняет все щели поры, и все-таки ее еще так много вокруг. Но иногда в газете, в чужих речах Алексея находил свои собственные, им лично вырванные из хаоса мысли. Это было торжество, это были победы. Их становилось все больше с каждой неделей...

НЕВСКИЕ МОНУМЕНТЫ

Дружеские шаржи на
М. ДУДИНА
Э. ГРИНА
О. БЕРГГОЛЬЦ
П. ДАЛЕЦКОГО
Д. ГРАНИНА
В. ПАНОВУ
И. АВРАМЕНКО
Н. НИКИТИНА

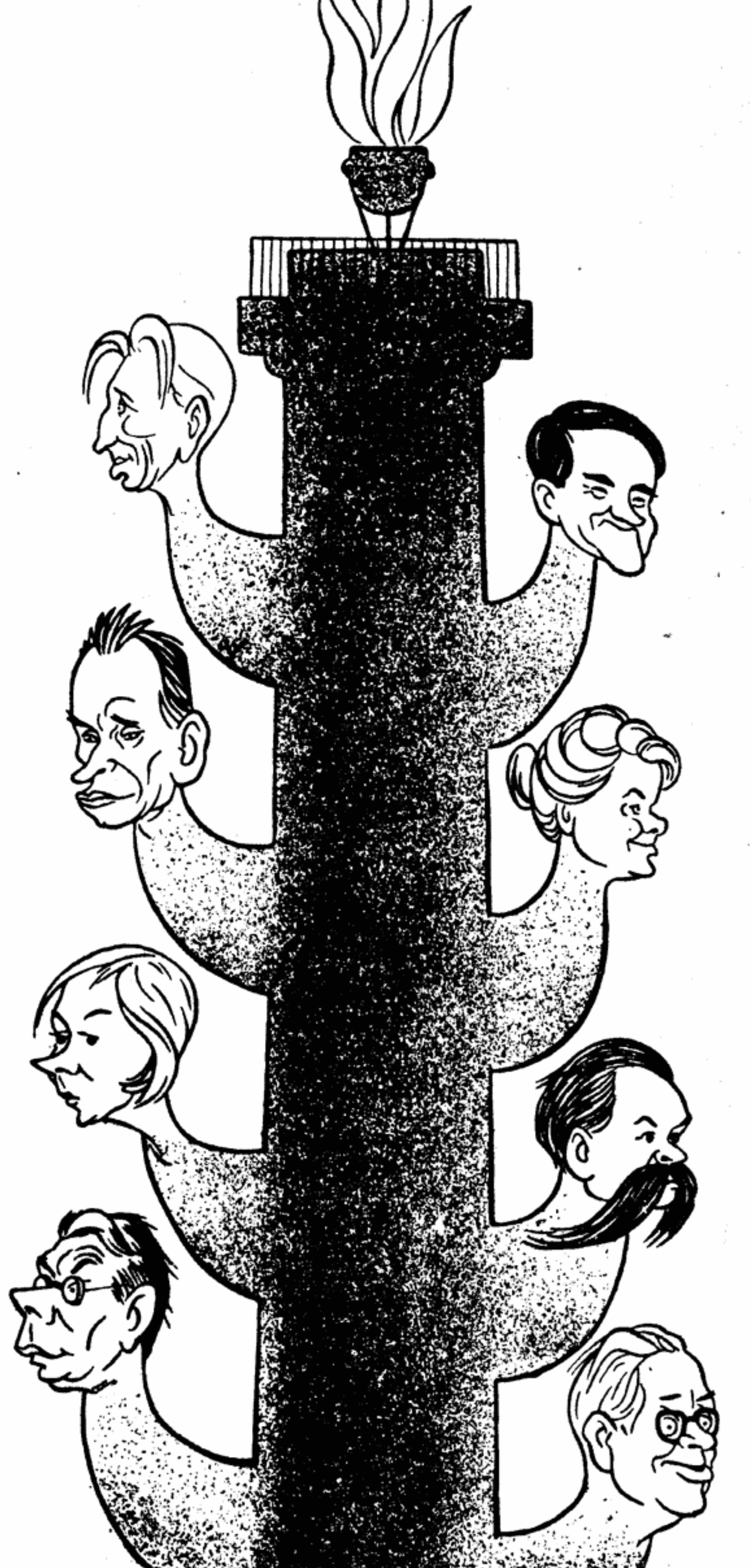

Рисунок этот юбилейный. Не принимайте за слейный. В колоне воплощен Ростральный Стихов и прозы рост реальный. Рисунок И. Изина. Текст Д. Толмачева.

Ленинградцы в Москве

Возобновилась давняя добрая традиция — вновь за последние несколько лет большая группа ленинградских поэтов побывала в Москве, встретились со своими читателями.

Выступления поэтов в больших аудиториях столицы были организованы бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР в связи с двухсотлетием со дня рождения Ленинграда. Вс. Азаров, Вл. Алексеев, И. Авраменко, Б. Лихарев, С. Орлов, А. Решетов, Е. Рынина, Л. Хаустов, А. Чопуров, О. Шестинский, выступая перед москвичами, с восхищением и любовью рассказывали им о родном городе, читали посвященные ему стихи.

— Я не ленинградец по рождению, — говорил на одном из вечеров С. Орлов, — я видел много чудесных городов мира — Париж, Рим, Неаполь, Афины, Стамбул. Но совершенно решительно утверждаю: самый красивый из всех — Ленинград. Он для меня — город юности моих боевых друзей. Ему, Ленинграду, и его бесстрашным защитникам, отстаивавшим честь и свободу Родины в черные дни блокады, я посвятил много стихов.

Вечера ленинградской поэзии проходили с большим успехом. Даже в парках, под открытым небом, несмотря на прохладную, пасмурную в те дни погоду, собиравшие истинные любители поэзии, чтобы послушать стихи. До отказа был заполнен читальный зал в Центральном парке культуры и отдыха имени И. Горького, где состоялся первый из пяти вечеров ленинградских поэтов. Сердечный прием был оказан им и в парке ЦДСА на вечер, где присутствовало более восьмисот человек.

И уж, конечно, ленинградские поэты не могли не выступить в овеянном старыми литературными традициями и славным именем Маяковского Большом зале Политического музея. Давно памяти великого поэта прозвучали посвященные ему стихи, которые были прочитаны на этом вечере вместе со стихами о Ленинграде.

На четвертой странице воспроизведены: картина М. Осенева «Первое слово Советской власти», рисунок В. Богатина «Суровые дни» и литография В. Петрогонского «Сталь пошла...»

Почетная награда

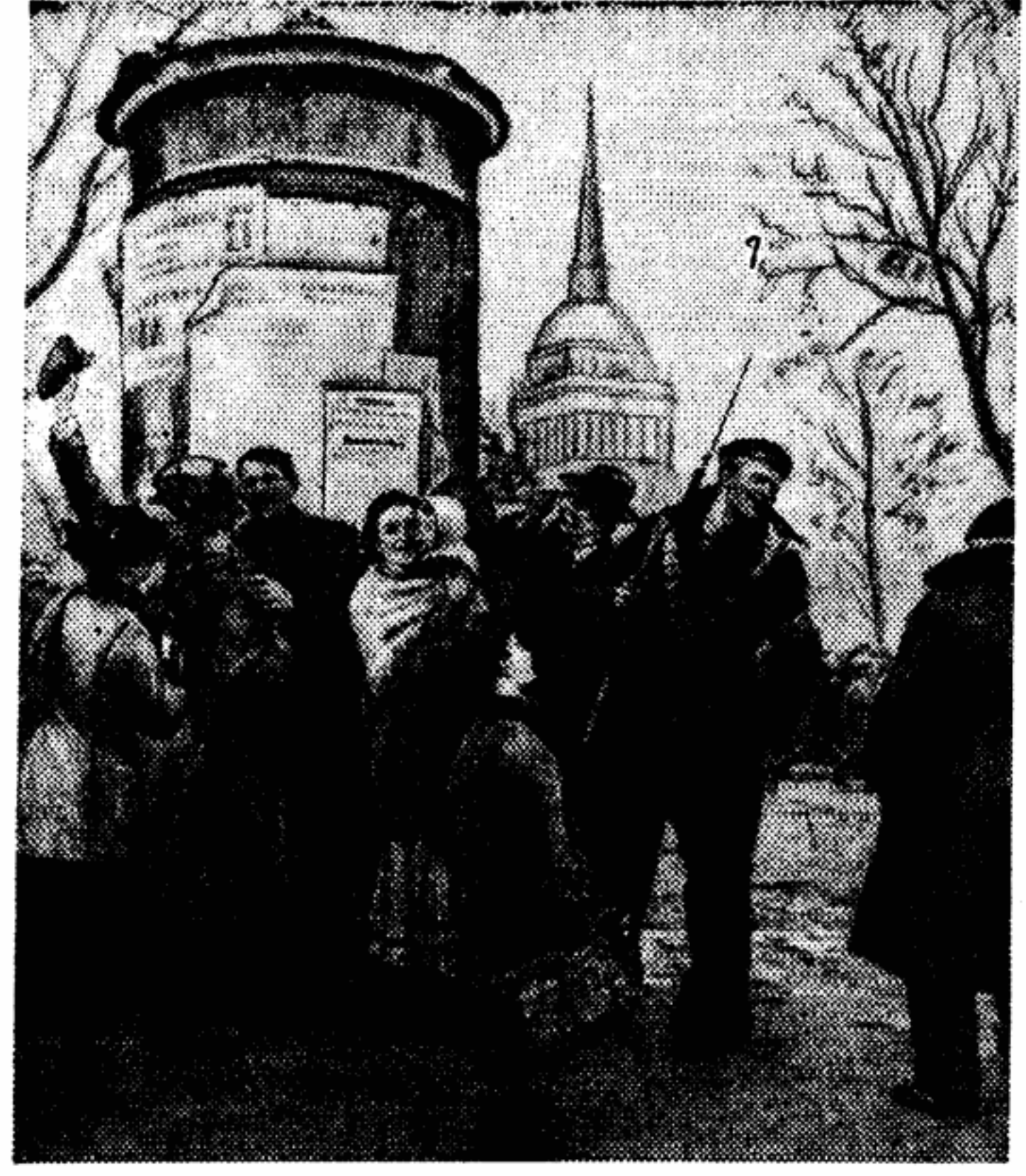
Президиум Верховного Совета РСФСР за выдающиеся заслуги в развитии советского искусства и в связи с декадой татарского искусства и литературы в Москве присвоил почетные звания группе деятелей искусства Татарской АССР. Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР присвоено в числе других поэту-драматургу Ахмету Фаизу.

Как уже сообщалось в нашей газете, орденами и медалями награждены писатели Татарии. Награждены также орден «Знак Почета» драматург Риза Ишмура и директор Литературного музея имени М. Горького в Казани Мария Елизарова.

Указом Президиума Верховного Совета Татарской АССР за активное участие в подготовке к декаде татарского искусства и литературы в Москве награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета республики группа русских писателей-переводчиков — всего 32 человека.

Под сводами Смольного с трибуны Второго Всероссийского съезда Советов прозвучали пламенные слова молодых Советской власти.

А утром...
— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пыльным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым
отданным. —
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!
Вл. МАЙКОВСКИЙ

Двадцать дней обороны города золотыми буквами вписаны в героическую книгу истории Великой Отечественной войны. Ни трудности, ни лишения не могли поколебать мужество защитников Ленинграда.

И в ярости злой
каювады
Немецкую гробить
орду
В железных кочах
Ленинграда
На бой ленинградцы
идут.
И Красное знамя
над ними,
Как знамя победы,
встает,
И Кирова грозное
имя
Полки ленинградцев
ведет!
Николай ТИХОНОВ

Ленинград — крупнейший промышленный центр. И нет в нашей стране такого уголка, где бы не слышалась ленинградская заводская марша, где не отзвучали бы добрым словом о золотых руках ленинградских умельцев.

Начинается утро.
Мы выходим, чтоб строить,
Чтобы встать у мартов
в наш испытанный строй.
Начинается утро,
и выходит герон.
Их приветствует город.
Он тоже герой!
Александр ПРОКОФЬЕВ